

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ИЗУЧЕНИЯ РУССКОГО ЯЗЫКА И МЕТОДИКА ЕГО ПРЕПОДАВАНИЯ

О НЕКОТОРЫХ ВОПРОСАХ ЛИНГВОКУЛЬТУРНОЙ АДАПТАЦИИ МИГРАНТОВ*

В.М. Шаклеин

Кафедра русского языка и методики его преподавания
Российский университет дружбы народов
ул. Миклухо-Маклая, 6, Москва, Россия 117198

Настоящая статья посвящена проблеме лингвокультурной адаптации мигрантов в России.

Ключевые слова: миграция, лингвокультурная адаптация, аккультурация, интеграция.

В современном мире проблему миграции нередко принято воспринимать как некую угрозу в адрес традиционных европейских сообществ. Между тем сама западная культура сформировалась в том числе и в результате миграционных процессов.

Например, немецкая народность в определенной степени возникла в итоге смешения германских племен с готами. Такая миграция дала основу для древненемецкого языка и древненемецкой культуры [2].

Ранняя русская народность — это также результат смешения славянских племен с кочевыми племенами скифов. Более того, сама русская народность и традиционные места ее расселения в определенной степени есть итог ее миграции с юго-запада Восточной Европы на северо-восток. Иными словами, предки русских в период V—VIII вв. нашей эры совершили массовую миграцию. Принимающей стороной здесь выступили финно-угорские племена, в большинстве своем вошедшие в русский этнос. Эта миграция оставила такой значительный след в русской лингвокультуре, что даже многие слова, кажущиеся исконно русскими, тем не менее, в русском языке не имеют корней, однако относительно легко этимологизируются в финно-угорских языках. Например, слово *Москва* не этимологизируется из русского, тогда как в финно-угорских языках корень этого слова несет видимую семантику — болотистое место, где много комаров.

* Научная публикация подготовлена в рамках государственного задания РУДН № темы НИР 100513-1-074 на выполнение государственных работ в сфере научной деятельности.

После утверждения на новых землях Русь (а позже Россия) увеличивала этническое разнообразие своего населения главным образом за счет освоения новых территорий. Собственно миграционный поток был преимущественно селективным. В русских городах селились приглашенные специалисты, ремесленники, представители знати национальных меньшинств. Согласно статистическим данным, к середине XIX в. в русской армии служило более 30% офицеров, имевших иностранное происхождение, в сфере инженерии — более 50%, в сфере науки — более 60% [3]. При этом для большинства этих людей русская культура и русский язык были родными. Так, русские дворянские фамилии пополнились Карамзинными, Алабышевыми, Радищевыми, Юсуповыми, Фонвизинами, Лермонтовыми, Ключенаяу, Рогге, Эфронами и многими другими. Яркий тому пример также персонажи русской художественной литературы.

Подобный подход к миграции обогащал русское общество в целом и русскую лингвокультуру в частности, делал Россию страной, открытой для талантливых или просто предприимчивых людей.

В той или иной степени традиция селективной миграции имела место и в Советском Союзе. Так, Москва советских времен была городом интернациональным, где, при превалировании русского населения, жили представители практически всех народов СССР и народов, с которыми Советский Союз поддерживал дружественные отношения. Как правило, к институту московской прописки прибывали мигранты из числа артистов, ученых, политических деятелей, технических специалистов.

С 90-х гг. XX в. ситуация в сфере миграции кардинально изменилась. Приехавшие в Россию мигранты из стран Центральной Азии и Дальнего Востока численно дополнялись мигрантами из российских и нероссийских регионов Кавказа.

Образовались сплоченные этнические сообщества, объединенные в прочные религиозные, криминальные и профессиональные кланы-диаспоры, внутри которых, как правило, культивируется закрытость, сплоченность, пользование национальным языком, следование традициям, понимание единых целей. Начиная в основном с малозначительной деятельности, их представители при поддержке диаспоры быстро достигают приемлемого социального и материального уровня, выходят на уровень бизнес- и муниципального управления.

На этом фоне русское население вытесняется из многих сфер деятельности. Например, ушли в прошлое времена, когда русские студенты подрабатывали в качестве грузчиков, уборщиц или дворников, а пенсионеры — в качестве продавцов в киосках или консьержей в подъездах домов. Не выдерживая ценовой конкуренции, русские рабочие ушли из сферы строительства, муниципального хозяйства, наземного транспорта и т.п. В результате безработица среди русского городского населения стала нормой.

Слово *гастарбайтер* прочно вошло в лексикон современного русского человека. Возникли мифы о незаменимости гастарбайтеров не только в крупных российских городах, но и недалеко периферии, мифы о нежелании русских выполнять многие виды работы.

Одна из причин — отсутствие продуманной долгосрочной государственной политики в отношении мигрантов, которая только сегодня начинает реально разрабатываться. Необходима комплексная реформа, которая была бы направлена на выработку миграционной политики и вывод из тени значительной части нелегальных мигрантов.

Впрочем, процесс миграции трудно поддается управлению и в других государствах, в том числе в странах Евросоюза и в США. Значительная часть молодых людей-мигрантов оказываются на обочине экономической и социальной жизни, не получая доступа к социальным лифтам и не имея возможности преодолеть свое зачастую маргинальное состояние. Оказавшийся под ударами кризиса рынок труда не сможет абсорбировать массу молодых людей, и он просто исключает их из оборота.

В иммиграционном потоке американские исследователи выделяют семь типов мигрантов: трудовые низкоквалифицированные мигранты, высококвалифицированные мигранты-профессионалы, студенты, магистранты и докторанты, беженцы, мигранты, прибывающие по линии воссоединения семей, лица, въезжающие в страну по программе иммиграционной лотереи, незаконные мигранты [5].

В странах Европы принятая ранее политика в отношении мигрантов терпит, по признанию руководителей ряда стран, крах. В ее основе, как известно, лежала концепция мультикультурализма, от которой недавно на официальном уровне пришлось отказаться. Закрытие границ, ужесточение визового режима не дают эффекта. Поток мигрантов в Италию, Францию, Германию только возрастает. Причем увеличивается количество мигрантов, несущих идеологию, чуждую европейским ценностям. Стремление переубедить, как-то адаптировать таких мигрантов теряет смысл. По всей видимости, это связано с ментальностью представителей иной культуры, которая обычно формируется в психике человека ко времени его совершеннолетия. Поэтому взрослый человек «...проживший 30—40 лет с устойчивым ментальным комплексом, практически не способен к трансформации собственных оснований» [4. С. 11].

Анализируя включение мигрантов в принимающее общество, можно выделить четыре типа взаимодействия: интеграцию, ассимиляцию, сепарацию и сегрегацию.

Интеграция предполагает стремление самих мигрантов стать частью принимающего общества и стратегию самого этого общества сотрудничать и принять новый сегмент. В ходе интеграции происходит взаимная адаптация мигрантов, сохраняющих культурную идентичность, к принимающему большинству и самого большинства к новым гражданам общества.

В случае определения интеграционного процесса, вероятно, логично использовать именно термин *адаптация*, а не *приспособление*, которое означает лишь внешнюю перестройку поведения людей в соответствии с нормами среды, воспринимаемой как экономический ресурс. Это могут быть, например, нормы правовой культуры, поведение, контролируемое окружающим большинством, в то время как внутренне приоритетной остается своя лингвокультура.

Адаптация по модели интеграции предполагает принятие мигрантами норм и ценностей принимающего общества как приоритетных, а самим сообществом — понимание идентичности тех мигрантов, которые хотят сохранить ее в тех ее проявлениях, которые не затрагивают права других. При этом в адаптации важнейшую роль играет потребностно-мотивационная сфера регулирования деятельности, осмысленное поведение, такие действия, которые наилучшим образом отвечают интересам всех участников.

Ассимиляция предполагает отказ мигрантов от своей культуры, нравов, устоев, практик повседневного публичного поведения и принятия норм и ценностей принимающего большинства.

В случае ассимиляционной стратегии государства от новых жителей принимающее население ожидает принятия их повседневных стандартов поведения, не допускается стремление к паритету и тем более обособлению. Пример ассимиляционной стратегии демонстрирует Франция. Данная стратегия обосновывается исторической традицией формирования гражданского общества в этой стране. Однако и во Франции в разные исторические периоды практика адаптации мигрантов, тем более мигрантов разной культуры (например, евреев, немцев, выходцев из стран Магриба), была вариативной, хотя начиная со времен революции декларировалась политика признания только гражданской идентичности.

И в случае интеграции, и в случае ассимиляции важно выделять также процессы «аккультурации» [1]. И в том, и в другом (идеальном) варианте мигранты проходят адаптацию в разных жизненных сферах политической, экономической, социальной, культурной. Прежде всего они должны принять правовые нормы поведения и политической культуры принимающего общества. Они включаются в экономику страны, занимая конкретные сферы деятельности в соответствии со своим потенциалом и потребностями территории-реципиента. От включенности в экономическое пространство зависит их социальная стратификация — занятия, достаток, престиж, участие во власти. Это, как правило, длительный процесс. Отдельные люди в результате огромной работы над собой с целью вхождения в новую лингвокультуру могут частично трансформировать свои ментальные структуры, тем более что принимающая лингвокультура нередко этому противится. Например, в Японии как бы иностранец ни старался встроиться в японскую культуру, японцы все равно не будут считать его своим.

Тем не менее социальная адаптация означает включение мигрантов в социальные связи — в трудовых коллективах, соседское, дружеское общение, досуговые контакты. Например, в исследованиях французских социологов большое значение придается таким индикаторам социальной адаптации, как досуговое времяпрепровождение, значимость для иммигранта внешних связей, не связанных с родственным и этническим кругом.

В сфере культуры адаптационный процесс идет наиболее многоаспектно, но решающая роль все-таки принадлежит освоению языка принимающего общества. Как правило, процесс натурализации во всех странах начинается с программ освоения языка. При ассимиляционной стратегии этнические меньшин-

ства осваивают язык не только в интересах трудовой деятельности, но стремятся приобщиться к телеинформации, радиоинформации, кругу общения на языке большинства, хотя это делает только их небольшая часть. Не всегда установки общества и даже предпочтения самих мигрантов реализуются в жизненных языковых практиках. Мигранты первого поколения, даже если сами мигранты стремятся к этому, естественно, сталкиваются с языковым барьером, мешающим аккультурации. Мотивы изучения языка у них могут быть и инструментальными, и интегративными. Инструментальными они являются прежде всего при получении работы, а если язык изучается еще и для лучшего понимания принимающего большинства, то мотивация, вероятно, интегративна.

Культурная адаптация, как правило, не ограничивается языковой сферой. Это и принятие норм, устоев, ценностей принимающего общества, которые проявляются и в деловой жизни, и в непроизводственной сфере, и в политической культуре. При стратегии ассимиляции аккультурация для индивида может завершиться потерей прежней этнической идентичности, когда он идентифицирует себя либо с доминирующей группой, либо с государственной, гражданской общностью. На практике это происходит не так часто.

При стратегии интеграции аккультурация менее жесткая, может совмещаться с позитивной этнической идентичностью (т.е. без враждебного отношения к другим), которая сочетается с гражданской, государственной идентичностью, а в каких-то случаях и с идентичностью большинства (множественная идентичность).

Вместе с тем множественная идентичность представляет собой естественное явление. Так, ни у кого не вызывает вопросов то, что каждый из нас зачастую выступает в разных ролях — детей-отцов, идентифицирующих себя с семьей и одновременно с теми, кто близок по профессиональной деятельности.

Вопросы появляются тогда, когда той или иной идентичности придается социальное значение — если тебя не берут на работу, потому что ты женщина или имеешь не ту этническую принадлежность, если ты мигрант, и поэтому тебе не сдают жилье и т.д. Именно в таких случаях начинаются «неудобства» с идентичностью.

Понятию «маргинал», которым обозначают людей, теряющих связь со своими предками, но еще не во всем перешедших на ассимилирующую культуру, т.е. в реальной жизни использующих и те, и другие элементы культуры, иногда придается негативное значение. Это явление уже может иметь дискриминационный смысл. Процесс перехода в другую идентичность для мигрантов может осложняться фенотипическими различиями (разрез глаз, цвет кожи).

Проблема миграции на российской почве имеет свою специфику. Принятая в нашей стране концепция носит скорее лингво-адаптационный характер. До недавнего времени было принято считать, что люди, воспитанные в СССР и на постсоветском пространстве, имеют схожую ментальность. Поэтому для их вхождения в общество достаточно обучить их владению русским языком. Так это или нет — вопрос. Помимо языковой адаптации все-таки существует и проблема адаптации культурной. Не случайно указывается на этнические клановые сообщества

киргизов, вьетнамцев, дагестанцев. Поэтому сегодня уже речь идет о сдаче экзамена не только по русскому языку, но и по истории и праву. Язык в данном случае понимается как главный фактор политики адаптации мигрантов.

При этом проблема миграции не только не снимается с повестки дня, а становится все более актуальной. В итоге складывается впечатление, что наиболее эффективным методом работы с мигрантами остается их численное сокращение, введение визового режима и режима жесткой селекции.

В данном случае следует понимать, что обучение русскому, как и любому другому в этой ситуации языку, дает положительный эффект. Однако возможно ли заставить ему обучаться миллионы приехавших людей, изъяв их из хозяйственной сферы, и за чей счет? Поэтому обучение русскому языку мигрантов в любом случае — вещь адресная, направленная на круг людей, которые в будущем могут стать российскими гражданами.

Таким образом, само по себе обучение мигрантов русскому языку и российскому праву не даст ожидаемого эффекта. Только наряду с численным регулированием и политикой селекции принимаемые меры могут возыметь действие. Данный вывод следует не из констатации изначальной неэффективности системы дополнительного, внесистемного образования, а из практического зарубежного и отечественного опыта.

ЛИТЕРАТУРА

- [1] *Верещагин Е.М., Костомаров В.Г.* Язык и культура. — М.: Русский язык, 1990. [*Vereshhagin E.M., Kostomarov V.G.* Yazyk i kultura. — M.: Russkij yazyk, 1990.]
- [2] *Петров В.А.* Введение в германскую филологию. — М., 2013. [*Petrov V.A.* Vvedenie v germanskuyu filologiyu. — M., 2013.]
- [3] Статистика Российской империи. Госкомстат РФ. — М., 2008. [*Statistika Rossijskoj imperii.* Goskomstat RF. — M., 2008.]
- [4] *Яковенко И.* Между империей и мистерией // Независимая газета, 24 июня 2014 г. — С. 11. [*Yakovenko I.* Mezhdru imperiej i misteriej // *Nezavisimaya gazeta*, 24 iyunya 2014 g. — S. 11.]
- [5] *Preston J.* Mexican Migration to the US May Be Reversing, Report Says // *International Herald Tribune*, 25.04.2012.

TO THE PROBLEM OF LINGUISTIC AND CULTURAL ADAPTATION OF MIGRANTS

V.M. Shaklein

The Chair of the Russian language and Methods of its Teaching
Peoples' Friendship University of Russia
Miklukho-Maklaya str., 6, Moscow, Russia, 117198

The article studies the problem of linguistic and cultural adaptation of migrants in Russia.

Key words: migration, linguistic and cultural adaptation, acculturation, integration.